

ПРОЛОГ

Все меняется, и мы не исключение.

Но ты просишь меня:

«Может, мы сыграем в другую игру?»

© *Monoir & Eneli, 3 to 1*¹

Бандит моргал, но видел темноту. «Ослеп?» Запаниковать он не успел — яркий свет резанул по глазам. Привыкнув к освещению, Бандит осмотрелся: бетонные стены и пол. На потолке раскачивалась лампочка без абажура, противным желтым отблеском она создавала тень на металлическом столе. Бандит, ерзая на стуле, дернулся: левое запястье было прочно приковано наручниками к ножке стола. Стул напротив пустовал. «Похоже на комнату для допросов», — решил Бандит. Догадка укрепилась благодаря зеркалу во всю стену — оно могло оказаться стеклом.

За ним наблюдают? «Пусть объяснят, что происходит!» Бандит с вызовом глянул в зеркало — и ужаснулся. Что с ним стало? Когда-то мужчина в отражении покорял сердца миллионов. А сейчас... темные волосы липнут ко лбу, щетина покрывает впалые скулы, губы потрескались. Он с отвращением отвернулся. Пахнет хлоркой и чем-то знакомым.

Стальная дверь открылась. Точно, пахнет духами — гурманский аромат с кофейными нотами. Бандит увидел девушку: она аккуратно переступила порог. На вид брю-

¹ Полный список упоминаемых в тексте произведений и их авторов можно найти в конце романа.

нетке чуть за двадцать, а значит, она младше Бандита. И не только младше, но и ниже — без каблуков едва достанет ему до плеча.

Стрижка каре, миловидные черты лица, худоба — все в ней до боли, до дрожи ему знакомо. Он рассмотрел ее слегка вздернутый нос, губы в бордовой помаде и хитрые серые глаза. «Куколка, ты меня освободишь?» — понадеялся Бандит. Но гостья не торопилась. С кошачьей грацией она поправила бретельку узкого черного платья и провела ладонью по сумочке.

Бандит разозлился и вновь дернулся — наручники больно впились в запястье. Она наряжалась для этой встречи? Тогда почему он выглядит так, будто вылез из трущоб?! Глянул на порванную рубашку и спросил:

— Что я здесь делаю?

Она неторопливо подошла, ее каблуки эхом отзывались в напряженном молчании, села на свободный стул и положила на стол сумочку: маленькую, кожаную, на серебряной цепи вместо ремешка.

Брюнетка сказала:

— Поиграй со мной, любимый, — и достала револьвер.

Бандит хмыкнул. «В таких сумочках можно спрятать что угодно», — вспомнил он стереотип из фильмов. Девушки из кинолент прячут флакон духов или пачку тонких сигарет. Но она... она не обычная девушка.

Гостья заправила прядь волос за ухо, открывая взору несколько сережек на мочке, и подтолкнула револьвер к Бандиту. Брюнетка захлопала ресницами, словно предлагала не в русскую рулетку играть, а выпить в баре. С неприятным звоном револьвер прокатился по столу, и Бандит поймал оружие свободной от наручников рукой. Металл холодил пальцы.

— Хочешь, чтобы я вышиб себе мозги? — В хриплом голосе не было страха, только усталость. Бандит отбросил оружие в направлении гостьи, почесал переносицу и выругался — защипала свежая ссадина.

Собеседница, кажется, всерьез задумалась над его вопросом и кивнула:

— В таком случае я отстану от тебя.

Бандит громко цокнул языком:

— В таком случае, *любимая*, скажи, где пуля в этом барабане, и мы не потеряем много времени.

Брюнетка улыбнулась, но тут же приложила руку ко рту, словно по ее улыбке Бандит мог догадаться, каков исход игры. Серые глаза гостыи стали огромными, испуганными.

— Не могу, милый, не могу.

— Почему? Белладонна...

— Ох... — Она приблизилась, обволакивая его шлейфом духов. — Тогда ты будешь знать. И застрелишь меня.

Он не убийца. Но в тот момент, схватив револьвер, был готов много раз нажимать на спусковой крючок, целясь Белладонне в лоб.

Жаль, она поняла это первой.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС

ПЛЕЙЛИСТ

Ava Max — Belladonna

UFO — Belladonna

Elvira T — «Лучше»

Elvira T — «Я полюбила бандита»

Marina Kaye — Twisted

Marina Kaye — Double Life

Marina Kaye — Dancing With The Devil

Depeche Mode — Surrender

Mirèle feat. Myth Syzer — «Пишу и стираю»

SOIYA — «Отпускай»

Tokio Hotel — Bad love

ГЛАВА 1

Милая, как цветок, но только в начале.
Все не так, как кажется.
Ты будешь выкрикивать мое имя,
Проклиная за то, что подобралась
так близко.

© *Ava Max, Belladonna*

Как поступают лучшие-в-мире-отцы? С сыновьями они запускают бумажных змеев, обсуждают спортивные передачи, ремонтируют автомобили. Лучшие-в-мире-отцы готовы пожертвовать просмотром бейсбольной игры ради мечты своего ребенка.

Джек Льюис стремился быть лучшим отцом, поэтому вместо вечера на диване выбрал рок-концерт. В машине Джек по десятому кругу слушал оды любви тринадцатилетнего Джонни к певице Белладонне.

Сын рассказывал: она немка, ей двадцать три, живет в Берлине, музыкальную карьеру начала пару лет назад, о личной жизни умалчивает. Поет поп-рок, пронизанный бунтарским духом.

Разумеется, лучшему-в-мире-отцу хотелось, чтобы сын играл на скрипке, занимался американским футболом и поступил в Гарвард. Но Джек любил рок-музыку, поэтому сделал вывод: ничего страшного, если сын помечтает о юной звезде. Это подростковое, обязательно пройдет. И когда Белладонна объявила тур по Америке, Джонни за хорошие оценки получил билет, а Джек зарекся сопроводить сына на выступление. Совместно с женой Элизабет они решили: пусть ребенок будет под присмотром, ведь упрямото и тяга к приключениям у Джонни в генах.

— Почему девочка назвалась Белладонной? — спросил Джек, припарковав автомобиль на стоянке клуба.

Отец и сын выбрались из салона. Джек приподнял воротник толстовки. Он давно не выезжал из пригорода, поэтому не различал улицы Западного Голливуда. Все они были одинаково шумными и яркими.

— Не знаю, — дернул плечами Джонни. — Цветок такой есть, он мужчин с ума сводит, — нетерпеливо бросил сын, наблюдая, как Джек ставит машину на сигнализацию и надевает кепку, пригладив темные волосы. — Зачем тебе кепка? — не понял Джонни, взмахнув темными кудряшками.

— Старая привычка. — Льюис-старший смутился.

Он долго подбирал оправдание мнительности, смотря на сына, свою юную копию: скулы впалые, нос прямой... у Джонни прямой, а у Джека *был* прямой, пока нос ему не сломали, кажется, дюжину раз. Когда Джеку было тринадцать, у него росла щетина, которая сейчас, в тридцать восемь, трансформировалась в аккуратную бороду; у Джонни щеки идеально гладкие. Но главное отличие: у сына другие глаза — карие, как у матери, и доверчиво-распахнутые. Глаза Джека зеленые, с хитрым прищуром.

— Идем, — проворчал он. — Увидишь скоро Белладонну.

Повторять не пришлось: сын пружинистой походкой направился в клуб. Все, чего хотел Джек в тот вечер, — обежать Джонни.

Но у судьбы были совсем другие планы.

Охрана проверила билеты, и Льюисы оказались в клубе. При свете первый этаж напоминал огромную картонную коробку, заполненную людьми, — преимущественно подростками. На стенах висели плакаты рок-групп, спра-

ва от входа Джек увидел раздевалку, слева — бар. Льюис-старший поднял голову: над потолком висели колонки и внушительные прожекторы.

Взрослый, коренастый, бородатый Джек смотрелся странно на фоне школьников и студентов. Ему хотелось скрыться от толпы и потащить сына в уютную ВИП-ложу, хотя он прекрасно знал, что в возрасте Джонни сам выбрал бы танцпол. Энергетика живого выступления бесценна! Поэтому Джеку оставалось надеяться, что с щупленьким подростком не случится беда. Ему-то со спортивной фигурой давка у сцены никогда не была страшна.

— Я буду наверху, в ВИП-ложе. — Джек отвел сына в сторону и указал на балкон. — Не подходи близко к сцене, тебя затопчут, и не подходи к бару, — Льюис показал пальцем на место, где будет сидеть, — я слежу за тобой.

— Па-а-ап, — протянул Джонни. — Я понял, окей?

— Окей. — Льюис подавил желание обнять сына. Раньше они всегда обнимались. Раньше... Джек не заметил, как сын стал подростком, которому нужно много личного пространства. — Увидимся после выступления, — сказал Джек и направился в сторону лестницы.

Балкон, освещенный лампочками на полу и неоновой подсветкой у бара, гораздо просторнее первого этажа — зрительские места на диванах, никакой толпы и давки. Джек подошел к краю балкона, вновь оглядел толпу и без труда нашел кудрявую макушку Джонни. Сын занял место в пятом ряду и разговаривал с рыженькой девочкой-подростком. «Отлично, компания сверстников». Джек поправил кепку и, оттолкнувшись от перил, огляделся: по периметру расставлены диваны с черной обивкой, а в глубине балкона только бар, за которым несколько человек пили коктейли. Диван Джека оказался ближе остальных к перилам и, соответственно, к сцене. На соседних местах никого не было.

Окончательно расслабившись, Льюис подавил желание взять виски с колдой. «Ты за рулем!» — отчитал себя и огра-

ничился колодой. Бармен выполнил заказ, и Джек вернулся к своему месту до начала выступления. Развалившись на диване, Льюис закинул ноги на столик и шутливо сказал:

— Развлекай меня, Белладонна.

Свет погас, зрители замолчали. Джек остро ощутил панику.словно молотом по голове, пришло осознание: он отпустил сына в толпу беснующихся подростков. Вдруг с Джонни что-то случится?! Льюис вскочил и перегнулся через балкон, чтобы разыскать глазами сына. Как там Джонни? Не испугался? Тишину заполнил грохот битов. Следом гитара. Барабаны.

— Дядя, сядь! — крикнули с дальнего ряда. — Не видно ни хрена!

Джек медленно опустился на диван. «Дядя». Он и забыл, охваченный тревогой, что давно взрослый дядя. Главное — он отец подростка, которому не нужен позор и испорченное настроение. «Джонни — смысленный мальчик, — убеждал себя Джек, дергая пальцами козырек кепки, — и в компании сверстников. Я должен дать ему свободу, я обязан понять — мой сын вырастет». Эта мантра помогла переключиться. Раз он тоже пришел на концерт, в его планах хорошо провести вечер.

Софиты замелькали по пустой сцене, из-за кулис вышла Белладонна. Визг фанатов звучал прекрасным аккомпанементом к ее звонкому голосу:

— Привет, Лос-Анджелес!

Джек вытянул шею, чтобы разглядеть блондинку.

Белладонна, маленький ураган, носилась по сцене и пела о наивной девушке, которая впервые пришла в клуб. Возможно, и она была такой? Из-за немецкого акцента певица выговаривала слова четко, будто отбивала каждым слогом барабанную дробь, а ноты звучали кристально чи-

сто; если бы не обращения к толпе и сбитое от танцев дыхание, Джек бы решил, что она поет под фонограмму. «Профессионал! — думал Льюис. — Педантичная и дисциплинированная немка — как полагается по стереотипам».

Экраны представили артистку в полный рост. Она была значительно ниже двух танцовщиц, но сияла так, что сразу становилось понятно: концертом правит Белладонна.

Платье, темно-синее, как вода ночью в озере, едва доставало певице до острых коленей, на ногах армейские ботинки, а руки украшены татуировками. Джек прищурился: рассмотреть лицо оказалось непросто — Белладонна ни секунды не могла устоять на месте! Благодаря плакатам в комнате Джонни Льюис знал — у Белладонны красивое лицо: аккуратный нос, губы без явного изгиба и слегка раскосые по азиатскому типу серые глаза. На фотографиях певица всегда ярко накрашена и потому казалась неестественной куклой. Красивой, но пустой. Джеку хотелось рассмотреть Белладонну, убедиться, что она реальна. И это удалось, когда экран успел поймать ее счастливое лицо. Но и сегодня Белладонна предпочла скрыть личико под макияжем: синие тени с блестками, помада в тон. Явно вдохновлялась Дэвидом Боуи¹.

Юная, дерзкая — так бы Джек описал Белладонну. И хорошенькая. Джек понимал: певица очаровательна, но она не Лиззи. Тем не менее Джек понял помешательство сына. Харизма, талант и миловидная внешность — адский коктейль. На сцене Белладонна смотрелась органично. Есть артисты, которые излучают магию и становятся кумирами. Белладонна определенно в их числе.

На что еще она способна?

Прожектор сменил траекторию, ослепив зрителей балкона. Джек выругался и прикрыл глаза ладонью, прячась от неприятного белого света. Несколько секунд он ничего не видел. Дезориентация. Темнота.

¹ Британский музыкант.

Белладонна молчала. «И часто она забывает тексты собственных песен?» — изумился Джек. Толпа подхватила и спела куплет за артистку. Когда балкон вновь погрузился в приятный глазам полумрак, а Джек смог без боли смотреть на сцену, Белладонна идеально тянула припев.

— Что исполним дальше? — спросила она у фанатов. — «Бандит»?

Поклонники поддержали ее визгом, и Джек пришел к выводу, что фанаты обожают эту песню. Ему же было абсолютно плевать на репертуар. Он ругал управляющего светом, а допив напиток, вновь направился к бару. Джек взял еще колы, вернулся на диванчик и залез в телефон, чтобы проверить счет пропущенного бейсбольного матча.

Льюис не сразу обратил внимание, что Белладонна стала петь близко: «*О, мой Бандит, почему ты меня разлюбил?*» Слишком. Близко.

Джек поднял глаза, его зеленые встретились с ее серыми. Густо-накрашенными. Глазами любимой певицы его сына.

— Развлечемся, Бандит? — спросила Белладонна в микрофон и направила на Джека кислотно-оранжевый водяной пистолет. Вероятно, реквизит к песне «Бандит». Нажала — и пара капель воды украсили толстовку.

«Какого черта?» — успел подумать Джек, перед тем как произошло непоправимое. То, что впоследствии изменило его спокойную жизнь. Но в тот момент происходящее казалось забавной выходкой.

— Хорошо. — Он ухмыльнулся, взял бокал колы, отсалютовал.

Дал «зеленый свет» безумию. Позволил ситуации обрести опасный оборот, а его самого затащить на аттракцион «Белладонна».

Пристегни ремни, Джек Льюис, ты купил билет в персональный ад.

Она танцевала. Исполняла песню. Играла роль.

Но он-то... Он! Ему это зачем? Джек не мог понять. Сидел на диване и наблюдал за Белладонной. Актриса ее личной постановки под названием «Девушка Бандита». Он был реквизитом. *Бандитом*. Джек, загипнотизированный сладким голосом и томными движениями, следил за тем, как она исповедовалась: *«Я полюбила Бандита, выбрала не того парня...»*

— *Тебя*, — прошептала она в микрофон, наклонившись к его лицу. Джек не успел понять, когда произошло следующее: она обвила голыми ногами его бедра, словно лиана, — он чувствовал жар ее тела через джинсы. Было ли слово «тебя» в песне? Он не знал. Попытался отстраниться, но Белладонна сильнее прижалась, проводя водяным пистолетом по его торсу, ниже, к ширинке. — *«Почему ты меня разлюбил? О, мой Бандит...»* — Он забыл, как дышать, пока она, положив пистолет на его пах, свободной рукой забирала бокал — Льюис обрадовался, руки дрожали, бокал норовил вот-вот упасть. — *«Бандит»*. — Белладонна резко встала, поставила бокал на стол, взяла водяной пистолет и прислонила к лицу Джека: мокрый пластик царапнул кожу. — *«Бандит»*, — пела и опускала пистолет ниже... ниже...

— Хватит, — вырвалось у Джека.

Он очнулся. Перестал быть реквизитом и осознал: происходит чертов концерт! Где. Собралась. Толпа. И. Где-то там. Джонни!

— Хватит, — повторил Джек громче.

Его голос потерялся в шуме битов и ее словах:

— *«Почему ты меня разлюбил?»* — Обиженно, кокетливо.

Джек не мог дышать, окутанный ее ароматом, ее энергетикой. Был ли он собой? Или стал Бандитом?

— «Ты разбил мне сердце...»

Песня оборвалась, выкинув Джека из транса. По его вискам катился пот. Белладонна кинула пистолет на столик — грохот окончательно рассеял дымку. Немецкая рок-звезда стояла перед ним румяная, довольная. И, развернувшись, она покинула ВИП-ложу под аплодисменты зрителей.

Восстановить дыхание Джек смог только к концу следующего трека.

— Пап, я хочу ее увидеть!

Джек повернул голову. Концерт закончился, и балкон опустел. Перед Джеком стоял Джонни: футболка потемнела от пота, кудряшки взъерошены, карие глаза блестят.

— Ты сказал, — запыхавшись, сын делал глубокий вдох после каждого слова, — прийти... к тебе... сразу... как... кончится... концерт.

— Да, — на автопилоте кивнул Джек. Он по-прежнему находился во власти танца и не мог понять — не привиделось ли ему?

— Она была здесь! — Отдышавшись, Джонни начал говорить более связно, но его голос то и дело тонул в криках фанатов. — Танцевала с тобой! — Подтверждая самые страшные опасения, он стиснул липкими пальцами ладонь отца. — Белладонна раздает автографы, я хочу пойти вниз. Пойдем вместе, если она увидит тебя...

— Нет! — Джек изумился, как звучало его «нет». Строго, твердо, тревожно. — Нет, — повторил Льюис тише, — я туда не пойду.

Ему стыдно? Ей должно быть стыдно. Но привлечь внимание к своей персоне Джек не хотел. Он снял кепку, зачесал волосы назад и вновь надел головной убор. Льюису хотелось убраться отсюда: сесть с Джонни в автомобиль и уехать домой. Повышенное внимание отзывалось в груди

колющими вибрациями — воспоминания о когда-то успешной карьере. «Которую ты оставил добровольно», — напомнил он. Сожалений не было восемь лет, пусть так и остается.

Но мечтам уехать домой не суждено было сбыться. Джонни включил жалобный взгляд, на который способны все дети, чтобы заставить родителей покупать дорогие игрушки, отпускать на вечеринки и в данном случае получить автограф любимой певицы. Джек качнул головой, собираясь с мыслями. Должен быть другой путь.

— Ты хочешь спуститься, чтобы увидеть ее? — уточнил Джек.

Он встал у перил балкона, оценивая обстановку внизу: поклонники кольцом окружили Белладонну. С высоты Джек разглядел ее светлую макушку, а когда охранники оттеснили толпу, заметил улыбку на миловидном личике. Пальцы артистки держали маркер, она расписывалась на дисках, плакатах, руках — людей не становилось меньше.

— Конечно, хочу! — ответил Джонни. Он тоже подошел к перилам. — Вдруг это мой единственный шанс? Пап, — Джонни сдул со лба непослушную челку, — встретимся на улице, ладно? Или посиди у бара. — Он кивнул в сторону подсвеченной неоновым барной стойке. — Я быстро!

— Стой. — Джек придержал сына за руку.

Джонни удивленно посмотрел на отца, но тот знал, что делать. С невысоким ростом и скромным характером максимум, что получит Джонни — пару ударов по ребрам от напористых фанатов и, если повезет, мимолетный взгляд Белладонны. Такой участи сыну он не хотел.

— Идем к бару. — Джек изящно для его коренастой фигуры лавировал между диванами и столиками, направляясь к цели.

Джонни бросил взгляд на взволнованную толпу и последовал за Льюисом-старшим. То, что сын послушался, хотя наверняка не понимал идею отца, вызывало у Джека гордость и умиление.

— Мне можно сегодня попробовать пиво? — Плюхнувшись на барный стул, Джонни с надеждой посмотрел на Джека. Тот, разместившись на соседнем стуле, жестом звал бармена.

В ответ Джек хрипло рассмеялся и заказал две колы со льдом.

— Я за рулем, а тебе тринадцать, — напомнил он.

Отец и сын сидели молча под аккомпанемент приглушенной музыки из колонок над баром и визжащей толпы внизу. «Белладонна! Белладонна!» — выкрикивали с разных сторон, и Джонни вздрагивал, нервно тыкая в кусочки льда соломинкой. Молодой бармен, выполнив заказ, залип в телефон. Других посетителей не было — зрители либо спустились к певице, либо ушли домой. Джек пил колу и посылал сигнал в космос: «Давай, Белладонна, ты повеселилась сегодня. Мы заслужили твое внимание. Я заслужил».

Крики стихли, а зрители концерта наверняка разошлись. Джонни залпом выпил колу и принялся вертеть кудрявой головой в попытках рассмотреть, что происходит внизу. Если предположение Джека не сработает и Белладонна уйдет, сын никогда его не простит...

— Мне «Пина коладу», но вместо ананасового сока — апельсиновый.

— Тогда это не «Пина колада».

— Прости?.. — Белладонна повернулась на голос Джека, явно не ожидая увидеть у бара «мужчину из ВИП-ложи», и «мужчина из ВИП-ложи» вдоволь наслаждался ее растерянностью.

Интересно, она вспомнила его? Ей стыдно за свое поведение?

— Я пью именно такую «Пина коладу». — Нет, не стыдно. Серые глаза похожи на холодную сталь, и смотрела Белладонна с вызовом. Может, до сих пор видит в нем «Бандита»? Джек не успел проанализировать ее взгляд, Белладонна отвернулась и кивнула телохранителям, ко-

торые, словно сторожевые псы, подались вперед. — Все в порядке.

Светлые волосы певица убрала в хвост, макияж на блестящем лице побледнел и местами смылся. Как и предполагал Джек, Белладонна пришла к бару сразу после общения с фанатами, даже в гримерку не заглянула.

Бармен поставил на стойку неправильную «Пина колада» и снова уткнулся в телефон. Свой мобильный достала и Белладонна. Она словно забыла о существовании Джека, а Джонни за спиной Льюиса и вовсе не увидела. Певица села на край барного стула и принялась листать ленту: ногти методично стучали по экрану.

— Это Джонни, мой сын, — решил действовать Джек. Он стащил со стула ошалевшего от восторга подростка. — Джонни — твой поклонник.

— Да? — Белладонна положила телефон на стойку и посмотрела на Джека. — А я думала, ты мой поклонник, — зубами она игриво прикусила трубочку от коктейля, — и пришел один.

Джек рассмеялся: ему понравилась кокетливая дерзость. Вероятно, девчонка со всеми так общалась. Рок-звездочка. И сейчас чертовски верно подметила: на диване он сидел один.

— Судя по тому, как ты выступала, Белладонна, я решил: ты моя поклонница, — в тон певице ответил Джек.

Ему удалось ее смутить. Глаза Белладонны приобрели оттенок дождевых капель, сверкнув в неоновой подсветке бара, а ее тонкие ноздри дернулись. Слова едва знакомого мужчины артистке явно не понравились. Джек и сам понял, что перегнул: может быть, она не вкладывала в танец пошлый подтекст? Скорее всего, она проделывала это и раньше — он не смотрел ее предыдущие концерты и отчего-то решил, что особенный.

Белладонна промолчала и перевела взгляд на застывшего Джонни. Вмиг изменилась: улыбка осветила ее личико.

От увиденного Джек задержал дыхание: когда она улыбнулась искренне, то стала выглядеть намного симпатичнее. Искренность всех красит. Джек пристыдил себя: взрослый мужчина, а пытался задеть девчонку. Он хотел извиниться, но Белладонна забыла о его присутствии, переключившись на юного поклонника.

Джек решил не портить момент — он попросил бармена повторить напиток и с умилением наблюдал за общением Белладонны и Джонни. Они болтали как старые друзья: обсудили любимые песни, пару гитарных партий и несколько клипов, потом артистка предложила Джонни сделать совместное селфи. Сначала Джек хотел сфотографировать их, но приказал себе не вмешиваться. Наслаждаясь холодной газировкой, Льюис гордился: как легко просчитал действия певицы! Она все-таки пришла. На миг сердце защемила ностальгия — пару раз и он так отдыхал у концертного бара...

— Ну, мне пора. — Белладонна крепко обняла Джонни.

— Ты классная! Ты очень-очень классная! И красивая! — выпалил Джонни, чем вновь вызвал у нее милейшую улыбку.

— Почему «Белладонна»? — вдруг спросил Джек.

Вопрос ошпарил горло. Ему-то какое дело, почему европейская Кортни Лав¹ выбрала такой псевдоним? Кажется, в колу налили виски. Иначе откуда неуместное любопытство? Он же хотел быть тенью, и только.

Белладонна вздрогнула, словно Джек застал ее врасплох. Она стояла рядом с Джонни и сделала пару шагов в сторону Льюиса-старшего. Их глаза встретились, напоминая Джеку первое столкновение взглядами: там, на диванчиках. Джек поерзал на табурете. Он сидел, она стояла, но их лица оказались почти на одном уровне. Она низенькая... и худенькая... и юная.

¹ Американская актриса, рок-певица. Бывшая жена лидера группы Nirvana Курта Кобейна.

— Я подумал, псевдоним в честь песни UFO, решил проверить догадку, — добавил Джек, щелкая пальцами. Мотив, как назло, вылетел из головы.

— Пап, кто слушает такое старье, — вздохнул Джонни, всем видом показывая — «старик» меня позорит. Джеку захотелось дать сыну подзатыльник: что за привычка лезть в чужие разговоры?

Белладонна усмехнулась и пропела:

— *«Белладонна никогда не знала боли»*¹.

Мелодичный голос выкинул Джека из реальности. Цветок белладонна. Или морская сирена. Дурманит, чарует — хочется слушать ее вечно.

— Отличная песня, — сказала Белладонна и в пару глотков допила коктейль. — Мальчики, идем, — махнула она телохранителям. Двухметровые «мальчики» послушно направились к лестнице. — И да. — Белладонна вновь посмотрела на Джека. В ее улыбке мелькнуло что-то новое. Смущение? — Извини, если поставила в неловкое положение. Давно хотела совершить что-то безумное под «Бандита». Музыка меня полностью захватила, и я не понимала, что делаю.

— Весело, — ухмыльнувшись, ответил Джек. — Странно, но... забавно.

Он проводил певицу взглядом, а потом кивнул Джонни — им тоже пора уходить. Им обоим пора вырваться из чар Белладонны.

Осенний ветер щекотал волосы на затылке. Джек надел капюшон толстовки в попытках спрятаться от непогоды и застегнул куртку Джонни, хотя подросток отчаянно сопротивлялся. Джек снял автомобиль с сигнализации и сел в салон. Захлопнув дверцу, он потер ладонями лицо.

¹ UFO — Belladonna.

Ну и приключение! Надо померить давление: у Джека давно не наблюдалось такого всплеска эмоций. В свои почти сорок он привык к спокойному существованию: маленький бизнес, спортзал, путешествия, воспитание детей. Концерты и общение с рок-звездами в расписание не входили.

— Классная, да? — Льюис-младший тоже залез в автомобиль и теперь пытался пристегнуться — от перевозбуждения руки его плохо слушались. — Офигенная, — не унимался Джонни. — Спасибо, пап! Эта идея с баром... — Джонни взвизгнул. — Я и не мечтал увидеть ее так близко!

Джек лишь усмехнулся. Завел двигатель и выехал с парковки.

— Да, с огоньком твоя Белладонна. Надо бы ей сбавить обороты...

— Смотри, — Джонни полез в карман за телефоном, — видео уже есть на «Ютьюб»!

— Что? — Джек нахмурился и стиснул руль. — Ты смеешься?

— Не-а, — сын поиграл бровями — привычка, которую он перенял у Джека, — и включил видео.

Джек затормозил у магазина: он обещал Элизабет зайти за пончиками, но прежде чем покинуть автомобиль, посмотрел на экран. Когда Джонни нажал play, салон наполнился оглушительными визгами. Камера тряслась, свет тусклый, но происходящее можно разглядеть: Белладонна танцевала у Джека на коленях. И, черт побери, со стороны это выглядело еще непристойнее, чем он думал. Отчетливо заметна разница в возрасте: он — широкоплечий, бородатый, волосы спадали на лицо, создавая загадочный и брутальный образ, и она — молоденькая, светленькая, худенькая.

Джека затрясло от злости.

— Кто выложил это?! — рявкнул он, и Джонни чуть не выронил телефон. — Нужно немедленно удалить!

— Пап, ты чего?

— Ничего. Что обо мне подумают? Я женат, а у меня на коленях танцует какая-то... певичка! — Больше всего Джека злило то, что он ее не остановил: он, взрослый и порядочный, позволил случиться безрассудству. Где были его мозги?! Видимо, ниже пояса.

— Пап, забей, — Джонни попытался разрядить обстановку, — никто не помнит, кем ты был раньше. Для всех сейчас ты... э... — Он полез в комментарии. — Бандит. Для всех ты Бандит из песни. *«Мой любимый Банди-и-т»*, — запел сын гнусавым голосом, отбивая ритм о край сиденья.

Джек мысленно выругался. Глубоко вздохнул. Джонни прав: карьера в прошлом, бояться за имидж — отголоски старой привычки. Все хорошо.

— Посиди тут, — Льюис потянулся к дверце, — я скоро.

На кассе пожилой продавец долго не мог настроить аппарат для оплаты, и Джек посмотрел на телевизор над кассой. В первую секунду Джек подумал, что словил галлюцинацию. Спустя восемь лет он снова видел на экране свое лицо: гладко выбритое, с меньшим количеством морщин. Волосы короче, губа разбита — это фото было сюрпризом от папарацци после боя «Льюис — Грант». Джек выиграл.

Звук не было, но на экране бежали, словно насмехаясь над Джеком, субтитры: *«Боец-Бандит — именно так теперь называют бывшего боксера и музыканта Джека Льюиса. Мы не видели его на ринге более пяти лет, а сегодня он взорвал интернет вирусным видео...»*

— Я взорвал?! — прорычал Джек сквозь зубы.

Субтитры бежали дальше: *«С немецкой рок-звездой Белладонной он устроил горячий перформанс в клубе Лос-Анджелеса. Похоже, Льюису происходящее нравится»*.

Продавец настроил кассовый аппарат, но Джек молча положил пончики на прилавок и вышел из магазина. Он готов был заорать: громко и нецензурно, но вместо этого задышал холодным ночным воздухом, как его учил тренер —

медленно, размеренно, считая до десяти. Не получалось. Сердце рвалось из груди, бежало галопом. Случилось то, чего он боялся, — старая жизнь догнала и пнула под зад. Джек стиснул ладони в кулаки. Господь, не дай совершить грех. Сейчас Джеку хотелось прибить девчонку.

— Едем домой.

— А пончики?

Джек не ответил. Он включил радио и поехал вдоль темной дороги.

Белладонна не виновата. Она не узнала Джека, она не могла его знать. Нелепая случайность. Гребаный прожектор, осветивший балкон. Для певицы, как сказал Джонни, Джек был Бандитом из песни, образом, эффектным номером на концерте. А у него теперь рушится спокойная жизнь.

— *«Мэри, как думаешь, что стало причиной того, что Джек Льюис вышел в люди? Поверить не могу, мы не слышали о нем восемь лет! Наверное, даже самые преданные поклонники забыли о существовании знаменитого боксера, а ведь когда-то он был королем ринга...»*

— Черт, — выругался Джек и потянулся к колесу магнитолы.

Но Джонни опередил отца и выкрутил колесико на максимум.

— Джонни Картер Льюис! — Когда Джек злился, то называл сына полным именем, и Джонни понимал — лучше с отцом не спорить. Но сейчас сын впервые проигнорировал предупреждающий тон. Он шикнул на отца, внимательно слушая ведущих радиостанции.

— *«Давно мы не слышали о Джеке. Ходили слухи, что он уехал на Тибет или стал наркоманом. — Джек поморщился от услышанного, а ведущая продолжила: — Но нет, все прозаичнее. Джек выбрал семью, как маленькая домохозяйка. Он заявил, что завершает карьеру и уходит в бизнес...»*

— Джонни, выключи, пожалуйста, — взмолился Джек.

— «Знаешь, что я думаю, Марк?»

— Очередную херню, лживая сука, — прошипел Джек себе под нос.

— *«У Белладонны и Джека роман! Можно сколько угодно прикидываться добропорядочным семьянином, но, как говорится, из песни слов не выкинешь. До встречи с женой Льюис был ловеласом. Похоже, у Джека кризис среднего возраста. Надеемся, европейская рок-звезда укротит горячего спортсмена. О да, Марк, признай, он по-прежнему горяч! Надеемся, скоро узнаем больше информации. Включаем вам, дорогие слушатели, песню «Бандит». У композиции все шансы стать хитом!»*

Заиграли первые аккорды. Джек чудом не врезался в столб, атакованный воспоминаниями: он вновь почувствовал ее теплые руки на плечах. Действия Белладонны напористы, и все случилось, потому что Джек растерялся, как ошалевший мальчишка. Он выключил радио, пока не заиграл ее голос. В салоне наступила тишина.

Как?! Как он мог такое допустить?! Ему было неловко в тот момент — да. Он хотел, чтобы она прекратила, — да. Остановил он ее? Нет.

Льюис посмотрел на сына, тот сиял — от улыбки вот-вот треснут щеки.

— Джонни, ты ведь понимаешь — это всего-то глупые сплетни? — осторожно спросил Джек. Если его сын думает, что роман Джека и Белладонны возможен, что говорить о стервятниках-журналистках?!

— Пап, — тихо ответил Джонни, — признай, было бы круто!

Льюис-старший истерически рассмеялся:

— Маме не понравятся твои выводы.

Элизабет не из тех, кто ревнует и верит прессе. Отношения Льюисов доверительные, долгие, они не пошатнутся от подобной чепухи. Но, представляя, что Лиз узнает о его необдуманном поступке, Джек вздрогнул.

— Ты мог бы попросить Белладонну встретиться с нами, — мечтал Джонни. — Мы бы пошли в кино, а потом отправили тебя за попкорном...

— О, дружок, прекрати. — Льюис скривился. — Для тебя она взрослая, а для меня юная. Закрыли тему. Завтра о сплетнях и не вспомнят...

— Не думаю, что *это* скоро забудется. — Джонни опять включил видео. — Полмиллиона просмотров! А прошло всего пару часов...

Джека заколотило. Он не собирался терпеть это дерьмо.

У Джонни день рождения, ему исполняется пять. В доме праздник, дети бегают, визжат, смеются. Среди них Джонни. Как его найти?

— Где ты, сынок? — спрашивает Джек, но вместо голоса — сдавленный хрип, и тот теряет в детских радостных криках.

Вокруг шарик, Джек натывает на один и шарается в сторону — яркий цвет бьет по глазам. Джек ступает на ощупь в кухню.

Там Лиззи. Она накручивает на палец светлые волосы и болтает с соседкой — кажется, ее зовут Клэр.

Где Джонни?

— Где...

Джек не успевает договорить. Снова крики. Но теперь дети кричат не от радости, они испуганы. Бросились врассыпную. Мелькнули темные локоны Джонни.

— Сынок...

— Джек, что с тобой?!

Он снова не слышит своего голоса, но теперь из-за звонкого голоса жены. И смотрит она с испугом. Что случилось?

Джек оглядывается: детей не видно, спрятались, словно зверьки по норам. Кто-то выбежал в сад, кто-то притих за диваном. Клэр-или-не-Клэр пятится к столешнице, а Лиззи, напротив, подходит ближе. Она почти не дышит, ее грудь под тонкой кофточкой застыла, только веки быстро моргают. Она смахивает слезы?..

— Джек. — Лиз осеклась.

А он перестал видеть все словно со стороны. Он очнулся и понял, что произошло. Сегодня день рождения Джонни, ему исполняется пять. Сегодня Джек проиграл бой, и его лицо напоминает фарш. Сегодня он напился по этому печальному поводу. И понял: если продолжит в том же духе, никогда не станет лучшим-в-мире-отцом.

ГЛАВА 2

Я милая, когда схожу с ума?
Эти скелеты в моем шкафу,
Я веду двойную жизнь.

© Marina Kaye, *Double Life*

Сара и Грета кричали припев песни «Бандит». Их фальшивое пение звучало в унисон, отлетая от стен номера эхом, а танцы, несмотря на грацию и профессионализм, казались нелепыми. На ковер и свои футболки танцовщицы пролили фруктовое пиво; в воздухе пахло персиком. Из динамика телефона звучала запись с концерта: выступление Белладонны с таинственным незнакомцем.

Стараниями прессы выяснилось: незнакомец — это боксер Джек Льюис. Он был спортсменом и музыкантом. А восемь лет назад бросил все, пропал с радаров, вместо карьеры выбрал семейную жизнь: красавица-жена, дети — двое мальчишек, дом в спокойном районе, бизнес. Сара и Грета знали Джека только потому, что он был лицом Calvin Klein.

Танцовщицы назвали «судьбой» то, что именно с Джеком Льюисом Белладонна исполнила выступление, взорвавшее социальные сети. И Саре, и Грете произошедшее казалось забавным совпадением. Но Эльмира Кассиль, она же Белладонна, знала: совпадений не бывает. Бывают шансы, которыми либо воспользуешься, либо нет.

— *«О-о-о-о, мой Банд-и-и-т»*, — пела, вернее кричала, Сара в перерывах между глотками пива. Ее черные волосы подпрыгивали от резких движений.

— «Почем-у-у-у ты меня-я-я раз-л-ю-ю-б-и-и-и-л», — подхватила Грета. Шатенка допила пиво и использовала бутылку как микрофон.

— Вы дуручки! — со смехом отметила Мира, из кресла наблюдая за пьяными подругами. Свой алкогольный напиток она пила медленно, растягивая удовольствие и пьянея постепенно.

Мира сняла светлый парик, собрала темно-каштановые волосы в хвостик, а сценический наряд сменила на шелковый халат. Ей нравилось быть другой на сцене, быть Белладонной: дерзкой, самоуверенной. Но, расставаясь со сценическим образом, она становилась просто Мирой.

— Скоро гости отеля сбегутся посмотреть на ваше выступление.

— Мы наберем миллион просмотров? — спросила Сара. На ее круглом лице появился румянец. Хотя окружающие считали Сару милой, в танцовщице жил чертенок. Сара бросилась к Эльмире. — Мы оставим тебя, мы наберем больше лайков, чем ты и этот... Джек!

Мира рассмеялась и, размахивая пивом, начала подпевать. Она обожала после выступлений отдыхать с танцовщицами. Сара и Грета сопровождали Белладонну в турне и знали, как поднять ей настроение: втроем они заказывали пиццу, смотрели реалити-шоу, обсуждали симпатичных телохранителей и модные клубы. Они веселились, и это помогало Мире забыть, что дома, в Берлине, ее никто не ждет.

Но сегодня единственный способ справиться с бурей внутри — алкоголь и щедрая ложка вранья. Непросто оказалось твердить: «Кто этот Джек? Он, оказывается, звезда?!» Ах, несите Эльмире Кассиль «Оскар»!

Грете нравилось фотографировать их посиделки, и она, приобняв Миру, сделала селфи. Мира засмотрелась на фото: Грета выглядела как среднестатистическая немка — светлокожая, с широкой челюстью и высокими скулами, с веснушками и зелеными глазами. В Эльмире, несмотря

на бледную кожу, явно проглядывалось что-то азиатское: темные волосы, маленькое лицо, вытянутые к вискам глаза. «Кто же я?» — в миллионный раз пронеслось в ее голове.

— Ну-ка! — выдернула Миру из раздумий Сара. Многие называли Белладонну безбашенной за скандальные выходы и смелый характер, но они не знакомы с Сарой: на ее фоне рок-звезда показалась бы ангелом. — Грета, помоги мне! — Сара поставила на прикроватную тумбочку полупустую бутылку пива, схватила танцовщицу за руку и посадила в кресло, с которого согнала Эльмиру. — Давай покажем, как надо было танцевать! — И Сара начала плясать вокруг Греты, изображая приват-танец в стриптиз-клубе. — Он возбудился, да? — не отвлекаясь от занятия, пьяно хихикала Сара. — Скажи, этот мужик он... он там, небось, кончил?!

Мира засмеялась переливом колокольчиков, легла на диван и прикрыла глаза. Она сжимала в руке бутылку и мечтательно улыбалась. От воспоминаний о Джеке по телу мчались приятные мурашки.

— Хм... — Мира выдержала паузу. — Я чувствовала жизнь в его брюках.

Но все слова, все действия — пьяный бред. Единственное, что помнила Мира, — как бешено колотилось сердце Джека, как смущенно он пытался отстраниться от нее, перевести напористые действия Белладонны в шутку, а главное — поскорее закончить двусмысленный танец. А Белладонна не останавливалась, не хотела останавливаться...

— О тебе говорит вся Америка! — Грета, более спокойная и скромная из их маленькой компании, смотрела в телефон. — О вас говорит вся Америка.

— Интересно, что думает Джек? — ухмыльнулась Сара.

— Или его жена? — добавила Грета, чем вызвала у Миры дрожь по позвоночнику. Вот о ком ей точно не хо-

телось думать, так о его безупречной, прекрасной, идеальной жене. — Наверное, она в ярости.

Мира пожала плечами и перевела тему. «Вспоминает ли меня Джек?» Она не подозревала, как скоро найдет ответ на этот вопрос.

Один взгляд в сторону Джека поднял цунами из воспоминаний. Кровь забурлила в венах. Сердце ускорило ритм. Мира не могла поверить: правда ли его лицо она увидела на втором этаже клуба? Небритое, обласканное калифорнийским солнцем, в мелких морщинках лицо... Прожектор сменил траекторию, а балкон вновь оказался в полумраке. На сетчатке Мира отпечаталось увиденное — да, этот мужчина украл ее сердце давным-давно. Она спокойно жила, забыв, что Лос-Анджелес — его город. И он, черт подери, напомнил ей! Как и о том, что забыть и сделать вид — разное.

Джек Льюис был для Эльмиры Кассиль всем и никем. Однажды она вычеркнула его из своей жизни, хотя в осторожности не было смысла. Он исчез, казалось бы, навсегда. Но никогда не уходил из ее сердца.

Один взгляд на Джека, и Мира перестала чувствовать ноги. Икры налились свинцом. В тяжелых ботинках она зашагала прочь от сцены — к лестнице, к балкону, к нему. И продолжила петь. Она хорошо знала текст: спела бы «Бандита», даже разбуди ее ночью.

Один взгляд, одно нелепое желание, следом — импульс. Мыслей в голове не было, она удалялась от сцены под радостные крики фанатов и пела: «О, мой Бандит, почему ты меня разлюбил?»

Телохранители моментально среагировали — оцепили Белладонну и отодвинули ее от толпы. Они двига-

лись рядом, как солдаты — шаг в шаг, — пока Мира не достигла лестницы.

Наверх с Белладонной пошел один телохранитель, аккуратно придерживая певицу за руку. Мира вырвала ладонь из его липких пальцев. Другие мужчины сейчас отвратительны. Мира ступила на последнюю ступеньку и направилась к дальнему дивану. В песне звучал проигрыш, и толпа застыла, ожидая, какое безумие совершит Белладонна. Все прожекторы и камеры были устремлены на нее, околдованную демонами, спасенную ангелами. Девушку, внутри которой взрывались вулканы.

Она увидела затылок Джека в забавной кепке: *Fuck* вышито белыми нитками на черной ткани. Мира усмехнулась, вот уж действительно... точнее не скажешь. Другие зрители ВИП-ложи застыли на диванах, оценивая Белладонну взглядами. Мира знала: люди на балконах не столь безумны, как на танцполе. Они пришли отдохнуть, пообщаться, выпить...

Что на концерте делал Джек? Она ему нравится?

Мире хотелось узнать ответы, но, когда она подошла и тронула Джека за широкое плечо, спросила:

— Развлечемся, Бандит?

Джек перевел взгляд с телефона на певицу — он не следил за выступлением! Какого черта?! Козырек кепки приямл его волнистые темные волосы. От прожекторов, синхронно направленных на балкон, глаза Джека блестели. Он удивленно смотрел на нее. Впервые смотрел на нее. И один взгляд — кто бы мог подумать — привел к стольким событиям.

В дверь забарабанили: хлипкая деревяшка грозилась в любой момент слететь с петель. Мира, Сара и Грета переглянулись. Танцовщицы прекратили дурачиться, притих-

ли. А незванный гость дернул ручку — та боязливо скрипнула. «И кому захотелось поздороваться во втором часу ночи?» — Мира сделала глоток пива. Вновь стук. В Америке, оказывается, чувствительные соседи. Пошуметь нельзя!

Эльмира знала, что ей, звезде, ничего не будет за нарушение спокойствия. Может, сделают замечание или выпишут штраф. Но она все равно собиралась пристыдить подруг, испытывая удовольствие от ситуации: Мира-то знала, что контролирует каждую минуту.

— Видите? — спросила она. — Все из-за ваших пьяных выходок. Наверняка в соседнем номере живет старушка, в прошлом кинозвезда, и она ненавидит шум. А отдуваться кому? Мне! Или... кто знает... вдруг за стеной поселилась итальянская мафия?

Мира направилась открывать под испуганные взгляды танцовщиц. «Надо вскрикнуть, чтобы девчонки от страха описались!» — предвкушала она розыгрыш. Но, когда открыла дверь, напрочь забыла о подругах.

Эльмира физически ощутила, как улыбка приподняла уголки ее губ.

В пустом коридоре под светом теплых ламп ее ждал боксер, музыкант, красивый мужчина — Джек Льюис! На нем та же одежда — темные джинсы, футболка, толстовка на молнии, словно он бежал из клуба и только сейчас нашел верный адрес. Джек с взлохмаченными ветром волосами, с огнем в зеленых глазах и, самое главное, совершенно один.

— Простите, мисс Кассиль. Мистер Льюис сказал, что был сегодня, технически уже вчера, на вашем концерте. — Джек один, если не считать телохранителя, дежурившего всю ночь у номера немецкой рок-звезды.

— Все правильно. — Мира не сводила глаз с Джека: с мужчины, с которым танцевала и которого желала всем телом, всем сердцем, всей душой.

Ее настолько унесло в пьяно-счастливую эйфорию, что она не сразу заметила, каким взвинченным выгля-

дел ее гость. Он смотрел на Миру, словно ждал объяснений.

Объяснений чего?

— Привет? — Она отсалютовала бутылкой фруктового пива.

Как бы Джек ни смотрел, что бы ни сказал, Мира вряд ли бы расстроилась. Он пришел! Он думал о ней весь вечер и не смог выкинуть из головы «своенравную немецкую звезду». Да-да, именно так. Мира мечтательно улыбнулась: она выгонит подруг из номера, заменит пиво красным вином, пригласит Джека, и они... они...

— Нам нужно поговорить. — Его голос отдавал железом: твердый и холодный. Льюис окинул ее удивленным взглядом, задержавшись на «потемневших» волосах, а потом вернулся к делу: — Твоя выходка на концерте угрожает моей репутации. Я сто лет не влипал в подобные истории... — Он вздохнул и, чуть подавшись вперед, словно собрался обнять Миру, спросил: — Могла бы ты дать опровержение? Я буду тебе благодарен.

Повисла тишина, только неисправный кондиционер пошвыстывал, пуская по коридору сквозняк. Во взгляде Джека Льюиса не было ничего от восхищения, на которое она рассчитывала. Брови соединились на переносице, глаза уставшие — так смотрят на едва знакомого человека. Джек пришел с конкретным вопросом и хотел получить конкретный ответ. Тишина затянулась, а неловкость усилило то, что телохранитель тактично отошел к дверям лифта, сообразив, что подопечной опасность, вопреки здравому смыслу, от коренастого и нервного мужчины не угрожает. Мира и Джек молчали несколько долгих секунд.

Наконец Мира ответила:

— Я не понимаю, — и крепче сжала бутылку пива. Стекло под пальцами скользкое. Как и ситуация.

Джек шумно выдохнул.

— Что тут можно не понять?! — Он из последних сил пытался сохранить самообладание. Голос спокойный,

вкрадчивый, но в речи сквозит раздражение. — Белла... как там тебя?

— Меня зовут Мира, — тихо представилась она.

— Неважно! — бушевал Льюис. — Едем на ту дебильную радиостанцию.

Он схватил Миру за запястье, потянул в сторону лифта. Она отдернула руку. Его прикосновение — кипяток. Будоражит, путает мысли. Разве они не пойдут в ее номер? Разве они не...

— Все в порядке? — к ним мигом подлетел телохранитель.

— Прекрасно, — бросил через плечо Джек и вновь сосредоточился на Мире. — Представляешь, они решили, что у нас роман! Если для тебя это шутки, то для меня — грязь. Я женатый человек. Ты хорошая девчонка, помоги. — Ах, какой мужчина... Ему безразлично, что сейчас ночь: он собирался потащить ее через весь город ради своей цели. — Мира...

Она попыталась запечатлеть в памяти минуту, когда Джек впервые назвал ее по имени. Сомкнул и разомкнул губы, скользнул языком по нёбу, как одержимый Гумберт¹, и прошептал: «Ми-ра».

— Все в порядке, — повторила она телохранителю его же фразу — на большее не хватило сил. Только говори, Джек, говори...

И он заговорил:

— *Ми-ра*, в Америке легко можно уничтожить репутацию, а то и жизнь человека. У нас ничего не было, но завтра твой менеджер решит, что обвинить в насилии над его звездочкой известного человека — круто. Или подтвердить наш «роман» — круто. Если раньше не слушали таких девочек, как ты, то теперь не будут слушать таких мужчин, как я. Понимаю... — Джек потер кривоватую переносицу. Он избегал смотреть на Миру и, казалось, бледнел силь-

¹ Отсылка к роману «Лолита» Владимира Набокова.

нее. — Вываливать на тебя... среди ночи... вот так, но... Ты начала это, верно? Пожалуйста, не порть мне жизнь.

На секунду Мирой овладело опьяняющее чувство власти. Так сходили с ума диктаторы — хотели больше и больше. Мира смотрела на Джека: он возвышался над ней, его сто восемьдесят против ее ста шестидесяти. Сейчас он казался маленькой букашкой, которую она могла взять в ладонь, ласково погладить или одним махом уничтожить. *«Грех! Эльмира, ты мерзкая девчонка!»* — голос в голове резанул по сознанию, перемешивая реальность и воспоминания. Мира прислонилась плечом к дверному косяку и прикрыла глаза. А рука Джека вновь оказалась у ее запястья.

— Отстаньте от меня, или я вызову полицию.

Сказала быстрее, чем осознала смысл слов. Построила стену. Открыла глаза, поднесла пиво ко рту, сделала глоток. Шипучий напиток обжег горло — как минутами ранее пальцы Джека обжигали кожу.

«Грех! Грех быть такой мерзавкой!»

— Уходите.

Джек сквозь зубы ответил:

— Давай... вызывай полицию, я напишу на тебя заявление. Если не хочешь по-хорошему.

— Вас никто слушать не станет, — весело ответила она, вновь глотнув пива. Сначала говорит, потом думает. Но ее сознание сегодня несется по алкогольно-разочарованному туннелю. — Вы сами сказали.

Как влюбленная Мира стала дерзкой Белладонной? Она поняла: Джек пришел ради своих целей, он не собирался провести с ней ночь. Усмехнувшись глупым мечтам, Эльмира опять сделала глоток пива — на дне бутылки треть напитка. Или она достаточно опьянела и осмелела, чтобы дерзить мужчине, перед которым в трезвом состоянии бы трепетала.

— Может, вы приехали, потому что в вашей жизни наконец-то что-то произошло? — спросила Мира.

Секундами ранее она боялась его прикосновений, но теперь хотела схватить за руку и выпроводить к чертовой матери. Знал бы он!..

Он не знал. И от возмущения приоткрыл рот.

В дверном проеме номера появились Сара и Грета.

— Эй, Мира, ты где там? — спросила Сара и, столкнувшись с убийственным взглядом Джека, ойкнула. — Э-э-э... Мы ждем.

— Ага, иду, — в подтверждение словам Мира развернулась.

Пиво сделало ее тело ватным, а голову тяжелой. Хотелось провалиться в сон, а главное — убедить себя, что Джек не приходил. Это романтическая галлюцинация.

— Подожди!

— Знаете что? — Мира сжала в ладони горлышко бутылки. — Вот вам мое опровержение! — и вылила Джеку на голову остатки фруктового пива.

Если он и собирался что-то сделать, то не успел. Ловко проскользнув в номер, Эльмира захлопнула дверь и повернула замок. Прощай, Джек Льюис. Прощай, романтическая галлюцинация.

Лицо покалывало от слез.

— Мира... — начала Грета.

Но в ответ получила резкий взмах рукой и сдавленный всхлип. «Замолчи!» — жестом велела Мира, а потом отвернулась и вытерла щеки. Она спиной чувствовала, как подруги в недоумении переглядывались. Белладонна! Она не плачет из-за мужчин. Она вообще не плачет. Если только от смеха. Или если расчувствуется от слов фанатов. И Миру чертовски разозлило, что реакция ее тела оказалась быстрее, чем осознание причины — злость. На Джека, на ситуацию, на себя. О-о-о, особенно на себя.

— Уходите, — сказала Эльмира. — Пошли вон отсюда! — Она не моргала до боли в глазах — только бы не дать слезам вновь сорваться с ресниц и размыть идиотские обои в цветочек. — Оставьте меня!

Мира не думала, что, если подруги откроют дверь, в номер может войти разъяренный Джек Льюис. Вероятно, она хотела взглянуть в его глаза, насладиться злостью в них. Но мечты разбивались о безразличие, которым он облил ее, как она его — пивом. Простое. Банальное. Безразличие.

— Мира? — изумление в голосе Сары подействовало, как красная тряпка.

— Валите! На хер пошли все! — завопила Мира, взъерошив пальцами темные волосы и больно впившись ногтями в кожу головы.

Этого оказалось недостаточно — ни чтобы прогнать подруг, ни чтобы успокоиться. Тогда она сорвалась с места, едва ступая заостренными ногами. Начала толкать подруг к выходу. Безысходность дезориентировала похлеще ударов. Мира пропускала сквозь стиснутые зубы воздух, повторяя: «Уйдите, уйдите». Она не могла никого видеть. И не могла позволить, чтобы ее видели в подобном состоянии. Пьяная истерика — это жалко!

Танцовщицы переглянулись, а потом вышли из номера.

— До завтра, — попрощалась Грета, но Мира не удостоила ее ответом.

Когда шаги стихли, а в номер так и не ворвался Джек Льюис, она закрыла дверь и сползла рядом по стене. Прижала голые колени к груди, всхлипнула и достала из кармана халата телефон.

Мира долго не могла снять блокировку экрана — устройство не узнало зареванное лицо, и пальцы плохо слушались. Экран размывался, буквы двоились. Наконец Мира зашла в социальную сеть, далее — в сообщения.

«Ненавижу тебя, ненавижу! — печатала она. — Какого хрена ты приперся на мой концерт? Ты не имел права при-

ходить после того, как поступил со мной! Ублюдок! Козел! Гори в аду!»

— Scheisse¹, — выругалась Мира. Палец завис на стрелочке «отправить».

Мира напилась, но не настолько, чтобы послать Джеку «прекрасное» сообщение. Она глубоко вздохнула и стерла написанное. А потом поднялась вверх по переписке и принялась нажимать одну и ту же кнопку — «удалить». Удалить, удалить, удалить. Из головы бы удалить. Увы.

Целую жизнь назад она сочиняла ему красивые стихи, рассказывала, как прошел ее день, делилась мечтами. Джек никогда не отвечал — конечно, он же знаменитость. Сколько таких писем ему приходило? Сотни, тысячи! Мира не обижалась. Он не обязан отвечать — ему это неинтересно, он использовал социальные сети как фотоальбом. А когда Мира стала Белладонной и почувствовала на своей шкуре популярность, поняла Джека. Физически невозможно ответить всем, особенно если большая часть сообщений — смайлики или непристойные предложения.

И сейчас, расплываясь перед глазами, ее послания только смешили. Наивная девочка, никому не нужный подросток, искала утешение в односторонней переписке со знаменитостью. Ей становилось легче от мысли, что вдруг он случайно увидит, как немка пишет ему на ломаном английском: *«Читала, в Лос-Анджелесе дождливо, но я улыбаюсь, когда думаю о тебе. Пусть моя улыбка осветит твой день!»* И теперь она боялась, что Джек прочитает ее послания, а образ Белладонны рассыплется в прах.

Она засмеялась сквозь слезы — успела: ни на одном сообщении не было когда-то заветного, а сейчас пугающего «прочитано». Поэтому она могла отменить их, сделать вид, будто ничего не писала. С одной стороны, какая разница,

¹ Аналогично shit (дерьмо) в английском.

после ее поведения Джек к Мире не подойдет. Но она стыдилась фантазий — как дети, вырастая, стесняются воображаемых друзей. Таким другом для нее был Джек. Не знаменитость с ковровой дорожки. А что-то... близкое. В тот момент — необходимое.

«Да, я ничем не отличаюсь от девушек, которым нравятся твои глаза. Встреть я тебя на улице, сказала бы про глаза. Не про улыбку, не про творчество. Только про глаза. И я не хочу за тебя замуж, не хочу быть с тобой, я и так чувствую тебя внутри себя. И отлично понимаю, что ты — человек. Красивый, талантливый, обаятельный, но человек. Просто круг общения у тебя другой, запросы.

Я никогда не буду думать, что ты мой. Ты ничей. Ты принадлежишь лишь себе. Будь ты с кем-то, ты все равно принадлежишь только себе — это жизнь, люди приходят и уходят. А еще это слово — влюбилась. В кого? В картинку? Не бывает такого» (отправлено/не прочитано).

— Или бывает? — спросила Мира вслух.

Удалить.

— С тобой все в порядке? — поинтересовалась Сара. Очевидно, что нет.

Мира покачала головой. Увлеченная воспоминаниями, она не заметила, как подруга вернулась в номер и села рядом на ковер. Мира отвернулась, чтобы Сара не увидела экран ее телефона. Возможно, Мире хотелось рассказать, что за буря внутри ее сердца, но... другая сторона, *неправильная* сторона, должна остаться в прошлом.

Удалить.

«Когда симпатия к знаменитости становится интимной, о ней больше не хочется говорить, не хочется обсуждать — я думаю, это и есть финиш. Тот мо-

мент, когда ты превращаешь образ в часть себя. Это печально, ненастоящих людей нужно гнать из сердца. Но черт... приятно думать, верно? А рассказывать уже нет» (отправлено / не прочитано).

— Через три дня я уеду отсюда. Все закончится.

— Что закончится? — спросила Сара. Она заправила прядь темных волос за ухо и добавила: — Мы волнуемся...

— Я много выпила. — Мира через силу улыбнулась. — Джек ушел? — Странно спрашивать про него, словно он надоедливый парень.

— Да, сразу. Телохранитель его выпроводил.

Мира кивнула.

Вот и все. Джек ушел.

ГЛАВА 3

Я мало сплю, когда не дома всю ночь.
Ты мало спишь, потому что напуган.

© Marina Kaye, *Double Life*

Утро напомнило Эльмире рестарт видеоигры: вчера она потратила все жизни, а сегодня с первого уровня запустила игру «Без Джека Льюиса». Мира сама виновата: воспользовалась чит-кодом, нафантазировала бурный роман — и потерпела поражение. «Босс» оказался ей не по зубам. Она усвоила урок, о котором напоминали пятна слез, рассыпанные каплями по наволочке. Мира встретилась с Джеком. И он, теперь по-настоящему, разбил ей сердце.

— Du lieber Gott!¹ Дочка, вставай, уже обед! — Собеседник перешел на английский, зная, что Мира практикует язык из-за желания переехать в Лондон. — Ну? — Скрип отодвинутых занавесок. — Хорошая была ночь?

Эльмира приоткрыла один глаз. Из окна номера стрельнул яркий луч солнца, и Мира закричала, словно вампир:

— Занавески, Франк, закрой их!

Похмелье накатило волнами: хотелось пить, болела голова, тошнило. Горло будто покрылось коркой, а виски пульсировали. «Нужно либо пить, либо плакать», — решила Мира на будущее. Она хотела вновь провалиться в сон, но собеседник и не думал оставлять ее в покое:

¹ Господи! (*нем.*)

— Мирочка, вставай! Сегодня хороший день — поедем на радио!

— Отстань... — простонала в ответ, прогоняя назойливого менеджера.

Франк Штольц стал ее правой рукой, ногой и пяткой три года назад, после встречи на шоу талантов. Франк вызвался помогать милой брюнетке с ангельским голосом, и, соединив амбиции, они создали Белладонну. Милая брюнетка стала дерзкой блондинкой, ангельский голос — сексуальным тембром дьяволицы.

Франку недавно исполнилось тридцать три. Он низенький немец с пивным животом и непослушными черными волосами. Многих смущали фамильярность менеджера и его истеричный нрав, но Мира привыкла к взбалмошному наставнику. Они дружили и ставили бизнес на первое место. Как итог, Европа обожала Белладонну, осталось покорить Америку и Азию.

— Мирочка, мы сорвали джекпот!

Она подскочила на кровати.

— Никаких «джеков» в моем присутствии! — ответила сиплым от жажды голосом. — *«Когда человеком владеет одна мысль, он находит ее во всем»*¹.

— Опять ты книжки цитируешь. — Франк любую литературу, кроме прессы, считал пустой тратой времени.

Штольц сел на край постели. Он глянул на Миру — та, зевая, боролась со сном — и одернул забавный, явно меньше нужного на пару размеров пиджак. А затем завел долгую песню о планах на Лос-Анджелес. Интервью, съемки, автограф-сессия. Мира не слушала.

Ей удалось убедить себя, что встреча с Джеком — сон или фантазия. Но хрупкая иллюзия пошла трещинами, когда Франк достал из брюк телефон и показал выступление с песней «Бандит». То самое — оно наделало много шума. И напомнило о реальности произошедшего.

¹ «Собор Парижской Богоматери», Виктор Гюго.

— Объяснитесь, милочка.

Эльмира схватила подушку, надавила на лицо и застонала, желая если не задохнуться, то хотя бы потерять сознание.

— Весело, правда? — спросил Франк, и по его голосу Мира поняла — менеджеру совсем не весело. — Я выкупил видео с камер видеонаблюдения. Зачем Джек Льюис приходил к тебе в номер? Ладно, неважно. Скажем, боксер тебя запугивал, подошел перед концертом и...

— Нет. — Мира откинула подушку. Села. Голову пронзила боль, отельный номер начал расплываться. Мира, кашляя, схватила с тумбочки стакан. Пригубив холодную воду, объявила: — Мы ничего не будем говорить. Я хочу забыть вчерашний вечер. — «И ночь, когда Джек пришел сюда», — добавила мысленно. — Сделаем то, что планировали до приезда: те интервью. И уедем, ясно?

Франк прищурился. Его светлые глаза заблестели. Мира испугалась, что Франк, проницательный по долгу профессии, проникнет в ее мысли и узнает секреты сердца, а главное — как много она приобрела и потеряла за вчерашнюю ночь.

Но Мира хорошо научилась скрывать чувства, поэтому менеджер ничего не заподозрил и сказал:

— Хотел я изобразить Джека Льюиса в глазах общественности безумным сталкером: кто приезжает к знаменитости, с которой всего раз засветился в новостях, посреди ночи как к своей любимой? Но, похоже, изображать не надо. Он чокнутый! Нам не нужен такой кавалер, дорогуша. У него проблемы с головой и дурная репутация.

Эльмира поставила стакан на тумбочку и вскинула бровь.

— Ты не собирался строить пиар на «романе» между мной и Джеком? — Она изобразила пальцами кавычки. Во рту сделалось горько, словно мысли о невозможном отравляли ее организм. — Ни за что не поверю, ты любишь скандалы, — добавила Мира, отгоняя неуместное

тепло в груди, которое появилось, когда она подумала, что для кого-то — пусть для журналистов, для поклонников, для ее менеджера — отношения Джека и Миры возможны.

— Деточка, что хорошего выйдет? — Франк поднялся с кровати и мерил шагами комнату, то и дело спотыкаясь о ворсистый ковер. — Льюису все кости перемыли: в прошлом бабник, дебошир, алкоголик. Образ примерного семьянина грязь не смоеет. Хорошая репутация необходима даже рок-звезде, милая моя Белладонна. А родители твоих фанатов? Они будут в шоке! — Штольц взял с тумбочки стакан и залпом осушил воду. — О, забыл главное... Джеку Льюису, мать твою, почти сорок лет! О солд-аутах¹ можем забыть.

Мира завернулась в одеяло, как в кокон. О чем говорил менеджер? О придуманной журналистами истории или о ее мечтах? И то и другое звучало по-идиотски — Франк красноречиво это озвучил.

— Да, ты прав.

Стыдно, больно, глупо. Мира захотела упасть Франку в объятия, заплакать и признаться в том, что сотворила вчера. Как унизила себя. А главное, прокричать на весь отель: «Я влюблена в Джека!»

Но Мира не нуждалась в сочувствии. Она давно научилась быть честной. Особенно с собой. Поэтому кивнула, собрала темные волосы в хвост и направилась в ванную. Здесь пахло дорогими духами и ярко горели лампы. На роскошь Эльмира не обратила внимания — давно привыкла. Ополоснув лицо холодной водой, она долго вглядывалась в покрасневшие глаза, рассматривала опухший нос, искусанные губы.

— Тебе никогда с ним не быть, — прошептала Мира.

¹ От английского sold out переводится как «распродано». В сфере музыки используется, когда весь концертный зал полностью выкуплен.

Что ответила бы ей девушка из зеркала? Что она на самом деле чувствовала? Едва ли любовь. Извращенную версию любви. Одержимость, кольцом сковавшую внутренности. Невозможность, острым осколком застрявшую в сердце. Ностальгию, что напоминает незаживающую рану. Эльмира вновь и вновь сдирала корочку, не позволяя ране затянуться.

Пора заканчивать. Встреча произошла. Галочка поставлена.

Мира вернулась в комнату с улыбкой: притворяться за несколько лет в шоу-бизнесе она научилась прекрасно. Франк проинформировал, что ассистент заказал в номер ее любимую еду — круассаны с миндальным кремом. А потом менеджер принялся говорить о планах на день. Пока Сара и Грета отсыпались, Белладонна должна позавтракать (или пообедать?), собраться и поехать на радио.

— ...ты проснулась в обед, и мы должны выйти через полчаса. Поняла?

Она открыла рот для ответа, формулируя в голове очередную ложь, но не успела сказать ни слова. Барабанной дробью по страдающему от похмелья мозгу прошла трель телефонного звонка.

Переглянувшись, певица и менеджер уставились на старомодный проводной телефон: белая пластиковая трубка с пружиной-проводом висела на стене номера, едва заметная на обоях в цветочек. Кто в современном мире звонит в номера отелей? Странная Америка.

Мира под удивленно-пристальным взглядом Франка сняла трубку. Пружинистый провод защекотал запястье.

— Алло?

— Эльмира Кассиль?

Она молчала. Свободной рукой потянулась к проводу и накрутила мягкий пластик на палец. Попыталась понять, похож ли голос собеседника на низкий тембр Джека и слышит ли она его южный акцент.

— Мисс Кассиль?

Нет. Этот голос выше, акцент британский. И Мира начала думать о другом: хотела бы она, чтобы ей позвонил Джек? Она вычеркнула его из своей жизни. Но... Хотела. Определенно.

— Алло? Мисс?

Жарко. Нечем дышать. Если позвонил не Джек, почему она не кладет трубку? Мира в поисках решения бежала глазами по комнате: комод, дверь в ванную, тумбочка, idiotские обои, застывший у кровати Франк... Мира ошпарилась о его пытливый взгляд и опустила глаза в пол. Если позвонил не Джек, почему она молчит? Пальцы до хруста сжали трубку. Губы дрогнули. *Она надеется.*

— Кто там? — нетерпеливо спросил Франк. Он ненавидел быть не в курсе, и от непонимания ситуации его лоб и щеки покрылись алыми пятнами. Франк шагнул в сторону Миры. — Мне ответить?

— Эльмире Кассиль, это вы? — Новая попытка добиться ответа.

В жизни каждого наступает момент, когда стоит прислушаться к интуиции. Сейчас интуиция подсказывала Эльмире положить старомодную трубку, а Франку сочинить правдоподобный рассказ о том, что кто-то ошибся и хочет заказать сто одну розу в соседний номер. Ложь всегда давалась ей легко. Ложь была ее второй кожей. Но Мира отмахнулась.

Никакого рестарта игры не было. Игры «Без Джека Льюиса» не существует. Он всегда в ее сердце, в ее мыслях, как бы она ни пыталась убедить себя в обратном. Поэтому она почувствовала — к звонку Джек причастен, — прокашлялась и ответила:

— Да. Я.

— Добрый день, мисс Кассиль. Это Роберт Томпсон. Агент Джека Льюиса. У вас есть минута обсудить вчерашний инцидент?

Джек проснулся от запаха фруктового пива. Аромат хмозного персика будто впитался в его поры. Джек приехал домой и около часа стоял под душем: отмывал с волос и лица липкое пиво. Толстовку он выкинул в урну у лифта, пока телохранитель Белладонны провожал его изумленным взглядом. Устраивать сцену Джек не стал. Глупо было вообще приезжать. Он уехал домой и прокрался в ванную, чтобы Лиззи не увидела его — мокрого и злого — и не начала задавать вопросы. Слишком унижительно было признаться, что его облила пивом взбалмошная рок-звезда.

Джек принялся прокручивать в мыслях вопиющий поступок певицы. А также ругать себя, кретина: опасаясь за репутацию, он дал новый повод обсуждать его. Наверняка по желтым газетам разлетелась запись с камер видеонаблюдения. После концерта Джек листал новости, как одержимый. Он будто вернулся на восемь лет назад, когда его выходки обсуждались в СМИ. И он приехал в отель, словно на автопилоте, с одной целью — убедиться, что его жизнь не рассыпалась, как замок из песка на ветреном пляже. В итоге он сделал только хуже — разлил девчонку. Раз ей влегкую облить незнакомца пивом, что она может наговорить прессе в угоду веселью, выгоде, обидам?!

Поворочавшись несколько минут, Джек понял, что не сможет вновь уснуть. Поэтому вскочил с постели, чудом не разбудив Элизабет. Жена что-то пробормотала и отвернулась к стене — золотистые локоны разметались по подушке. Ангел. Джеку безумно повезло, что у него есть Лиззи, мальчишки, дом, бизнес. Льюис не собирался терять это из-за сплетен.

«Может, вы приехали, потому что в вашей жизни наконец-то что-то произошло?» — звучал в голове насмешливый голос Белладонны. Джек надел спортивные

штаны, накинул ветровку поверх футболки и отправился на пробежку. Он бегал по мокрой от росы лужайке, злился и вспоминал, почему отказался от успешной карьеры боксера. Тогда Джек чувствовал то же самое, что и сейчас — потерю контроля. И ему это не нравилось. Ни тогда, ни тем более сейчас.

Бутылка с высокоградусным напитком была спутником Джека на всех соревнованиях. Он стал агрессивным и вспыльчивым — как и хотели в кровавом спорте. Но зависимость пагубно действовала на самое дорогое: отношения с семьей. И Джек выбрал Лиззи. Мальчиков. Скопленных денег хватило, чтобы открыть небольшой бизнес по производству экологически чистых продуктов. Всем занималась Элизабет: она обожала здоровый образ жизни и природу. Именно она мягкой рукой помогла Джеку осознать проблему и обратиться за помощью. Ему понравилась спокойная жизнь. А Белладонна тянула его назад — в скандалы и зависимость.

Льюис пробежал круг и остановился на пороге своего белого двухэтажного дома. Жилье декорировала Элизабет, потому дом был ее отражением: уютный, светлый, комфортный. Джек сел на ступеньки и отдышался. Он был потный, но спокойнее, чем пятнадцать минут назад. Спорт, как и всегда, помог освободить разум от мусора.

Джек отправился в душ. «Пошла эта пресса, — рассуждал он, намыливая тело гелем, — главное, моя семья в порядке, доход стабилен, а я могу заниматься любимым делом». Джек пару лет назад устроился тренером по боксу в местную школу. «Пусть судачат, лишь бы это не портило жизнь моей семье», — завернувшись в полотенце, мысленно заключил Джек.

Он подошел к зеркалу и протер от пара гладкую поверхность. Взглянул на себя: мокрые темные волосы, усталые зеленые глаза. Куда ему тягаться с акулами журналистики? Или с юными девушками, жаждущими создать шумиху вокруг своей персоны. Белладонна... Она наверняка уе-

дет из города через пару дней. Если Джек не будет искать встреч, то не будет давать поводов для новых слухов. Не зачем усложнять себе жизнь.

Из кухни пахло кленовым сиропом. Каждое воскресенье Лиз готовила панкейки, Джек будил мальчишек, и вместе Льюисы завтракали в саду.

Предвкушая семейную идиллию, Джек направился в комнату старшего сына. Джонни отсыпался после счастливого вечера. Именно счастье сына придавало смысл произошедшему безумию, ведь для Джека вечер стал сущим кошмаром.

Он оглядел логово тринадцатилетнего мальчика. Одежда неаккуратно висела на стуле и лежала на полу. На столе вперемешку с фантиками раскиданы учебники, тетради, комиксы; едва слышно гудел ноутбук. Над столом закрытое жалюзи окно, стены украшены плакатами — и не догадаешься, какого цвета обои.

Взгляд задержался на плакате над кроватью. Разумеется, это фотография любимой певицы Джонни — Белладонны. Она сидела на троне в зале готического замка, одетая в шелковое платье с тонкими бретельками. Ее волосы были ниже плеч и чуть темнее, чем вчера в отеле. А он-то поверил, что она блондинка, как на сцене! Наряд подчеркивал изящные ключицы и руки, усыпанные татуировками. Смотрела Белладонна, как королева на подданных: надменный взгляд, уверенная поза... Но Льюис без труда обличил рок-звезду. Он видел ее насквозь. Ненастоящие волосы, на лице много косметики, а татуировки — вторая кожа, за которой скрывалась ранимость. Она вылепила новую себя. *Белладонна никогда не знала боли.*

«Откуда ты взялась? — вздохнул, обращаясь к певице. — Почему подошла ко мне? Совпадение, разумеется.

Я напомнил тебе Бандита, как сказал Джонни. Но... смотрела заинтересованно, будто знакома со мной».

Джек напряг память. Видел ли он ранее Белладонну? Обидел ли ее? Пару раз он приезжал на поединки в Европу, но маршрут был банален: номер в отеле, зал для тренировок, бар при отеле, зал для боя, вновь бар при отеле, самолет. Льюис прикинул, сколько могло в то время исполниться немке — не больше пятнадцати. Несовершеннолетних он в своем окружении не помнил и определенно не позвал бы к себе в номер даже в пьяном угаре.

— Па? — сонно позвал Джонни и потер глаза. — Ты чего тут? — Сын сел на постель и нахмурился. Кудряшки упали ему на глаза.

«С ума схожу, сынок, с плакатом разговариваю», — подумал Джек, а вслух сказал нейтральное:

— Вставай, пора завтракать, — и развернулся к выходу из комнаты.

Он чувствовал жжение на затылке. Его не покидало ощущение, что серые глаза Белладонны следят за ним. И беззвучно смеются.

— Лиззи, помочь с завтраком? — Он позвал жену, но осекся на последнем слове. Застыл в дверном проеме кухни. Забыл, как дышать.

Джек увидел миссис Льюис не у плиты, а за обеденным столом: Элизабет, скрестив пальцы в замок, смотрела на экран телевизора. Ее волнистые локоны выпали из хвоста и обрамляли лицо-сердечко, не тронутое косметикой. Лиз прекрасна, только карие глаза — грустные.

Джеку вспомнилось знакомство с женой: он часто отмечал победы в барах — напивался, цеплял девушек. И Лиззи пришла отдохнуть с подругами, но напоролась на наглого бармена. Джек, словно рыцарь, защитил ее. Затащил в постель. Полюбил. И другие женщины пере-

стали для него существовать. Джек и Лиз встретились пару раз, одержимые страстью, и Лиз забеременела. Она, девушка из хорошей семьи, мечтала о тихом семейном счастье, но Джек постоянно втягивал жену в неприятности — до пятого дня рождения Джонни, когда у Джека вдруг открылись глаза: если он продолжит напиваться, рисковать здоровьем и будущим, Лиззи забереет сына и уйдет. Тогда Джек оставил бокс, а позже, когда родился Питер, понял, что ни разу не пожалел о своем решении. Он не втягивал семью в неприятности. До вчерашнего вечера.

Сейчас Джек стоял и молился, чтобы его опасения не оправдались. Пусть жена, изумленно побледнев, смотрит по телевизору репортаж о цунами в Азии или на рождение панды в зоопарке. Что угодно, только не...

— *Белладонна вчера дала жару!*

...не это. Не чертова Белладонна!

— *Давайте вновь посмотрим ее выступление в клубе Paradise!*

Джек стремительно пересек кухню и выключил телевизор. Ему не хотелось ни видеть, ни слышать эту девчонку. Повернувшись к Элизабет, Джек тихо спросил:

— Ты злишься на меня?

— Из-за того, что ты вчера приехал, крикнул: «Сумасшедшая певичка!» — убежал и пропал на пару часов?

— Она и правда сумасшедшая.

Элизабет медлила с ответом, поправляя ворот водолазки, и тянула время, тем самым лишая Джека кислорода. А потом сказала:

— Джонни с тобой не было. В толпе с ним могло случиться что угодно и... Ему всего тринадцать! Это безответственно.

Льюиса как током дернуло. Во всей ситуации ее беспокоит безопасность сына, а не слухи о похождениях мужа. Верно, если бы Джонни был с Джеком, этого бы не случилось: Белладонна не позволила бы такого поведения при

малолетнем поклоннике. Джеку до горящих ушей стало стыдно. Лиз думала о сыне, а о чем думал он?

— Мне *уже* тринадцать, мам, — пришел на помощь старший сын. Он стоял в проеме кухни и сонно потягивался. — Я бы не простил папу, если бы тухнул на диванчиках. — Джонни прошел в кухню, шлепая по плитке босыми пятками, и налил апельсиновый сок из графина в стакан. — Благодаря папе я поговорил с Белладонной. Сфоткался с ней! Это был офигенный вечер. — Сын с благодарностью посмотрел на Джека.

Элизабет открыла рот, но тут же закрыла. Помедлив, она сказала:

— Все хорошо, что хорошо кончается. Я рада, что ты в порядке, — посмотрела на Джека. — Вы оба.

Джек в такие минуты жалел, что его супруга не импульсивная и эмоциональная барышня, а тихая и мудрая женщина. По бесцветному тону жены он так и не понял, злитесь ли она.

— Я не злюсь.

Мысли читать определенно умеет.

— Девочка славно повеселилась. От рок-звезды вполне ожидаемо что-то подобное. — Лиз говорила мягко и, замолчав на секунду, обратилась к сыну: — Джо, сходи за Питером и помоги накрыть на стол в саду.

Когда сынишка пружинистой походкой убежал из кухни, Джек подошел к супруге, обнял ее за плечи и переспросил:

— Ты точно не злишься? Клянусь, я... Я не успел ничего понять.

Он бы на ее месте злился. От мысли, что какой-то мужик танцует вокруг его женщины, кулаки зачесались.

Элизабет запрокинула голову, встретилась с мужем взглядом и тепло улыбнулась — у Джека перехватило дыхание, и он не удержался от поцелуя в ее сладкие губы. Пошел ниже, по ее щеке к шее.

— Переживаю за тебя. — Лиззи мягко выпуталась из его рук и встала к столешницам. Ее голос дрогнул, выдавая тревогу. — Не сорвись, ладно?

Джеку стало безумно стыдно за то, что он сразу все не рассказал и побоялся реакции самого близкого человека. Он крепко обнял жену, зарываясь лицом в ее волосы.

— Мне не нужен мир без тебя.

— Джек, я серьезно! — Она звонко хихикнула, когда Льюис чмокнул ее в висок. Но тон остался твердым. — Я слишком люблю тебя, чтобы верить прессе. И переживаю вовсе не за то, что юная девушка уведет тебя... — Лиз печально улыбнулась, а у Джека свело живот. Он знал: жена молча соберет вещи — свои и мальчиков — и уйдет от него. И это убьет его сильнее истерик или битой посуды. Джек испугался возможного итога, а Элизабет добавила: — Меня волнует стресс вокруг тебя. Идем завтракать.

Когда Льюис вышел в сад, то запретил себе думать о плохом. Чудесная погода, необычайно теплая для осени, родные люди рядом и стол с завтраком под ветвистым дубом. Лиззи поставила на скатерть кофейник и тарелки, Джонни — банку с джемом и столовые приборы, а маленький Питер гордо нес корзинку с хлебом. В центре стола были панкейки с кленовым сиропом.

Джонни отодвинул для Элизабет стул, и она, хихикнув, сказала:

— Ты воспитал джентльмена!

Улыбнувшись в ответ, Джек помог четырехлетнему Питеру забраться на стул, хотя ребенок упрямо норовил перебраться на отцовские колени. Это утро наполнено смехом и беседами о планах на будущую неделю. Ничто не напоминало Джеку о концерте Белладонны.

Увы, как бы ни хотелось ему забыть, ничего не вышло. Опасность висела грозовой тучей — вот-вот пойдет дождь. И когда после завтрака Джонни громко обсуждал по телефону новое интервью Белладонны, Джек подслушал разговор. Сегодня певица приезжала на радио.

— Да, чувак, на видео мой отец! — гордо рассказывал другу Джонни.

Льюис чувствовал себя идиотом, прижавшись ухом к двери сына и внимательно ловя каждое слово.

— Ага, блин, я ждал подробностей! А она: «Без комментариев». Дерьмо! — Судя по звуку, Джонни пнул письменный стол. — Ну ничего, еще три дня Белладонна будет здесь. Ты сегодня поедешь к ее отелю? Не знаю, постараюсь...

Джек начал спускаться, задумчиво разглядывая ступеньки. Значит, Белладонна останется в Лос-Анджелесе на три дня. Джек спустился и зашел в гостиную. Там он начал играть с Питером в конструктор, но мысли то и дело возвращались к взбалмошной рок-звезде.

Что мешает Белладонне придумать небылицу завтра? Вдруг ее пиар-команда готовит для бывшего боксера жесткую подставу? «Так, Льюис, остановись», — отругал он себя, помогая сыну выстраивать разноцветную башню. Главное, Лиз верит ему. Надолго ли? Она многое выдержала и ко многому была готова, когда решила выйти замуж за известного человека, спортсмена и алкоголика. Но они привыкли жить спокойно. Вдруг Лиз поймет, что прошлое не осталось в прошлом? Вдруг осознает, что устала? Вдруг бросит его? Заберет мальчиков? Исчезнет?

Джек невпопад отвечал Питеру на бесконечные «Почему?» и «Зачем?», пока в голове крутились свои, взрослые вопросы. Как ему поступить? Не высовываться? Нет, он не умел сидеть и ждать. Всегда в бой. Он догадывался, что девчонка больная на голову, а вчера убедился в этом. Разве взрослый человек обливает оппонента напитком? Джек знал, что не может быть ни в спокойствии, ни в безопасности, пока Белладонна в его стране.

Игнорируя изумленный взгляд жены — она читала книгу в кресле, Джек вскочил и направился к ящикам письменного стола. Он долго копался в бумагах и нашел записную книжку. Листал, тихо матерился, снова листал.

— Папа? — позвал Питер, разрушив башню из «Лего».

— Джек? — отложив книгу, вторила Элизабет.

Нужный номер был найден.

— Я только посоветуюсь с юристом, — пообещал Джек.

Лиз устало покачала головой. Питер заплакал. И пока супруга успокаивала ребенка, Джек вышел в сад. Теперь завтрак казался сном, привлекательным в своем неведении, невозможным в своей реальности.

Джеку всего лишь хотелось, чтобы его имя очистили, а его самого оставили в покое. Но юрист заявил, что подавать иск на клевету бессмысленно — в прессе обсуждают догадки, а видео — не монтаж.

— Лучше вам связаться с другой стороной и прийти к компромиссу, — заявил мистер Беккер. За эту простую и известную Джеку истину мистер Беккер получит кругленькую сумму. — Может быть, мисс...

— Белладонна.

— Белладонна согласится дать опровержение. Тогда прессе не за что будет зацепиться и от вас отстанут.

Поникий Льюис вернулся в дом. Под пристальным взглядом Элизабет он убрал записную книжку обратно в ящик.

— Моника позвала меня в гости. Мы с Питером поедем. Хочешь с нами? Марк обещал приготовить что-нибудь на гриле.

— У меня нет настроения. Поезжай, развейся.

Джек ненавидел бывать у Моника, лучшей подруги Элизабет, и через какое-то время Лиз бросила попытки подружить подругу и мужа. Взаимная антипатия базировалась на том, что Моника считала Джека законченным алкашом и советовала Лиз «найти кого-то получше». И если обычно Джек без труда отбивал атаки девицы, которая явно лезла не в свое дело, то сегодня у него не было сил напоминать стервозной брюнетке, что об алкоголе он не думает уже более восьми лет. Потому что сейчас думает.

Когда за супругой закрылась дверь, а сын в своей комнате громко включил музыку, Джек устроился в гостиной и положил на колени ноутбук. Полез в интернет. Может, он не один такой? Может, есть братья по несчастью из других городов? Джек, ритмично постукивая по клавишам, набрал на клавиатуре ноутбука: «Белладонна», «певица». Первые десять ссылок в заголовках рядом с Белладонной красовалось его имя. Скрипнув зубами, Джек добавил в строчку поиска «скандальные выходки», но статьи остались на месте — да, вчера немецкая дива произвела в Америке фурор. Джек чуть не застонал в голос и вручную начал пробираться сквозь желтую прессу. На третьей странице упоминания о «бывшем боксере» закончились, и Джек приступил к изучению карьеры его ночного кошмара, то есть Белладонны. Ему на секунду пришла в голову мысль, что проще было бы узнать информацию у Джонни, но не хотелось говорить с сыном о певице. Вдруг решит, что она и правда ему интересна.

Джеку стало легче, когда он увидел, что Белладонна — любительница шокировать публику. Например, она выступала с кавером на песню t.A.T.u. «Я сошла с ума», нарядившись в форму школьницы.

Особенно Джека интересовали выступления с песней «Бандит». Возможно, она находит в каждом зале «Бандита»? Нет. Обычно Белладонна игриво пулялась в зрителей водой из ярких водяных пистолетов.

«М-да, мне повезло», — подумал Джек. А когда он все-таки не справился с соблазном и открыл статью про вчерашний концерт, выругался:

— Черт возьми!

Мир сошел с ума. Если лет пять назад Америка назвала бы Белладонну развязной шлюхой, а Джека — брутальным самцом, то сегодня дела обстояли иначе. Если раньше обругали бы певицу за чересчур короткую юбку, то сегодня ругали боксера. Вероятно, за густую бороду. «*Извращенец! А говорят, он женат!*», «*Детка, подай на него*

в суд за домогательства!», *«Тупой мужлан, ему явно это нравится!»*, *«Вот такие ублюдки и становятся насильниками!»*

Джек сидел, разинув рот. Он знал движение #MeToo¹ и поддерживал права женщин. А его считали чуть ли не сатаной! Да, он был виноват — не остановил ее, но не потому, что ему нравилось! Он растерялся! И вообще-то, не он полез к ней на сцену обжиматься! И точно не звал ее к себе в ВИП-ложу!

В интернете нашлись пользователи, которые приняли сторону Джека, но Льюис предпочел бы никакой поддержки, чем такую. *«Я бы трахнул эту певичку! Горячая штучка!»*, *«Подстилка Гитлера, на месте мужика я бы разбил ей лицо»*, *«Чувак, надеюсь, ты отымел ее в...»* Джек захлопнул крышку ноутбука. Животные. И его считают таким же.

В итоге он решил позвонить своему бывшему агенту Роберту Томпсону: они хорошо общались и, пока Томпсон не переехал в Нью-Йорк, часто встречались семьями. Джек надеялся, Роберт поможет по старой дружбе, и набрал номер.

— Томпсон слушает.

— Привет. Это Джек Льюис.

— Дружище! — воскликнул агент. Джек представил, что Роберт, как обычно, сидит на широком подоконнике и кормит голубей — его любимых птиц. Рыжеватые волосы развеваются на ветру, а очки запотели из-за нью-йоркских холодов. — Чем обязан? Хм-м-м. Дай подумаю, Льюис, твоей репутации кирдык? — Британец вставлял в свою речь странные словечки, будто никогда не уезжал из пригорода Ливерпуля.

— Как ты догадался, — стыдливо пробурчал Джек. — Посоветуй что-нибудь. Что мне делать с этим... с этим всем.

¹ Хештег, распространившийся в социальных сетях в октябре 2017 года, подчеркивающий осуждение сексуального насилия и домогательств.

— Какое первое правило знаменитостей, Джек?

— Не гуглить себя.

— Не гуглить себя! А второе? Сразу связываться с умным человеком, — подсказал Роберт, намекая на свою скромную персону. — Ладно, я с ней поговорю. Пусть держит язык за зубами. И если захочешь сняться в рекламе, только намекни...

— Не захочу.

— Ладно, — обиженно фыркнул Роберт. — Дай мне номер певички.

— Откуда я знаю ее номер?

— А вы разве... — Собеседник загадочно замолчал.

— Нет!

— Ха, спросить стоило!

— Я вешаю трубку.

— Ну, подожди. — Томпсон рассмеялся. — Как мне ее найти?

— Она остановилась в отеле Golden sky, позвони туда.

— А откуда ты знаешь, в каком она отеле?

— Я... — У Джека пересохло в горле. — Неважно.

Я с ней не спал!

— Как скажешь, дружище.

— У меня семья!

— Да, да, — задумчиво протянул Роберт.

— Просто позвони ей!

— Будет сделано, босс, — ухмыльнулся Роб. — Как в старые добрые времена, спешу на помощь! — И агент повесил трубку.

Франк и танцовщицы беседовали, а Мира перечитывала личный дневник: она посвящала Джеку посты, которые отличались от ее сообщений. Мира, будучи подростком, раскрывала на запароленных страницах свою темную сторону и позволяла испытывать неправильные чувства. Она давно забыла эти глупости. Но вспомнила вновь, потому что Джек вышел на связь! Не получится теперь вычеркнуть его из своей жизни. По правде говоря, не очень-то и хотелось.

На радио Франк гонял несчастного ассистента по всей студии, согласовывая «неожиданные изменения» в вопросах интервью. Журналистам не терпелось узнать больше о концерте, точнее, о взаимоотношениях Джека Льюиса и Белладонны. Вопросы о новом альбоме, успех среди американской молодежи, номинация на «Грэмми» — это беспокоило прессу не так сильно, как возможная интрижка. И Франк возмущался: *«Наш звездный час превратился в балаган! Твой звездный час, Мира! Они талдычат: «Можно спросить о танце? Белладонна расскажет, почему выбрала Льюиса?» Нет, не расскажет! Вим, скажи им закрыть рты, или интервью не будет!»*

Белладонна со скукой наблюдала за беготней ассистента. Вим носился от менеджера радиопрограммы до менеджера певицы, и перед ее глазами мелькали его длинные темные волосы. Мира называла Вима «парень-невидимка»: он заказывал машину и еду, договаривался с отелями, персоналом, журналистами, но редко контактировал с Мирой.

Сошлись на том, что Белладонна расскажет историю создания песни «Бандит» и намекнет: Джек похож на лирического героя. Провокационные вопросы Мира награждала фразой «Без комментариев» и была рада такому исходу. Ей казалось, и эти слова звучали трепетно, с удовольствием. «Без комментариев», а мыслями она там, в новой встрече с Джеком, в утреннем звонке по поводу Джека, в концертном зале, у Джека на коленях.

Вернувшись в отель, Франк первым делом потребовал от танцовщиц вразумительных объяснений по поводу визи-

та Льюиса в номер его звездочки. Видимо, понял: от подопечной ничего не добьется. Но вряд ли удивился ее скрытности: Эльмира редко показывала чувства. Точнее, только в песнях.

— Телохранилителя я уволил, — заявил Франк, расхаживая по номеру в разноцветных носках. — Идиот! Льюис ему показал права, сказал: «Обо мне по радио говорят», и этот кретин его впустил! А если бы у Льюиса был нож?!

Сара и Грета взвизгнули. Едва ли они всерьез испугались за подругу, скорее разыгрывали спектакль для менеджера: Франку необходимо выговориться, тогда он успокоится и приступит к текущим задачам. Например, к причине звонка Роберта Томпсона.

Мира и бровью не повела, услышав о «маньяке Льюисе». Джек был суров на ринге, но Мира чувствовала — в жизни он другой. На чем основывалась ее уверенность? Милые фотографии в социальных сетях? Он мог ее убить. Ха! Представила заголовки: *«Мы прочитали личный дневник Белладонны — она любила своего убийцу!»*

Эльмира тихо хихикнула, но когда ее глаза опустились на запись в дневнике, то улыбка потухла, оставляя в одиночестве посреди переполненной комнаты: разглядывать буквы на экране.

«Не верю в тебя как помощника мне. Ты не послан мне тем, кого люди привыкли окрещивать Всевышним. Ты глава в книге моей жизни: в книге с рваными страницами. Ты раскрасил бесконечный день сурка. И ты исчезнешь. Оставишь пустоту. Пустоту? Я была бы рада. Но...»

— А ты что скажешь, Мира?

Она вздрогнула, свернула страницу с дневником и ткнула в случайную иконку. Вовремя — Франк склонился над ее телефоном. Никакого личного пространства! Мира следом за менеджером посмотрела в экран.

— Гляди, — выдохнула она, — у меня подписчиков прибавилось.

Франк завис, довольно улыбаясь, но быстро вернулся к теме:

— Повтори, что сказал по телефону тот мужик.

— Он сказал... — Мира проследила, как Сара и Грета, притихнув, сели на кровать, — ситуация вредит и моей репутации. Дал номер Джека, если мы захотим обсудить варианты с ним. — Мира бросила взгляд на клочок бумаги, который положила на журнальный столик. Цифры она записала быстро, дрожащей рукой, боясь забыть, но зря беспокоилась: с первого раза запомнила номер Джека наизусть. — И попросил упомянуть в следующем интервью ситуацию на концерте...

— Пиара захотел! — воскликнул Франк. Лицо менеджера покраснелось и заблестело, словно румяный блин.

Мира вздохнула:

— Для человека, который все контролирует, твое поведение чересчур истерично. — Она помолчала и выдержала возмущенный взгляд — Франк всегда первым отводил глаза, будто собака перед хозяином. Мира убрала телефон в карман спортивных брюк и добавила: — Джек хочет, чтобы о нем прекратили выдумывать слухи. Поэтому Роберт Томпсон попросил дать опровержение. Мне трудно вновь поговорить о Джеке...

— Опровержение?! — Франк напоминал актрису дешевой постановки. — Девочки, вы слышали?! — Сара и Грета испуганно переглянулись.

— Конечно, слышали, они рядом сидят, — вставила Мира.

Франк метнул на подопечную сердито-беспомощный взгляд и предпринял новую попытку выставить ее любимого всемирным злом:

— Они хотят опровержение тому, что Джек Льюис — маньяк?! Простите, врать не будем! Он приходил к тебе в отель!

— Чтобы попросить опровержение, — спокойно отбила удар Мира.

Впервые она поступила опрометчиво, и неудивительно, что менеджер не знал, как реагировать на ее выходку. Имидж рок-звезды позволял Белладонне вытворять всякое: напиваться в клубах, спать со случайными красавчиками, показывать средний палец журналистам... Все это заранее обговорили наравне с другими нюансами контракта. А вот интересоваться кем-то — нет, такое совсем не подходит Белладонне.

Чувства Франка заботили Эльмиру в последнюю очередь. Главное, у нее есть номер Джека! И она может ему позвонить! Истерика Штольца порядком утомила, и Мире хотелось послать Франка куда подальше, но тот подскочил от громкой музыки — в пиджаке надрывался мобильный.

— Звонит Келлер, — сообщил Франк, прислонив телефон к уху. — Guten Tag Herr Keller! Ja... Alles gud!¹ — И, улыбаясь, будто собеседник мог увидеть это жалкое подобие улыбки, Франк покинул номер.

Мира замерла с открытым ртом. Вжалась в кресло. Тихо выругалась.

Грегори Келлер — продюсер музыкального лейбла и владелец студии звукозаписи. Человек, благодаря которому у Белладонны есть финансирование на альбомы, туры, клипы, а также возможность зарабатывать на творчестве кругленькие суммы. О продюсере Мира напрочь забыла, гоняясь за подростковыми грезами. Зря! Сухенький мужчина с грустными карими глазами мог превратить ее сказочный замок (квартиру в центре Берлина) в тыкву, а бесконечный бал (карьере певицы) в концерты в дешевых барах на окраине города.

Грегори Келлер не был дьяволом, которому восходящая звезда продала душу. Напротив, о таком продюсере мечтали многие артисты: Келлер не контролировал процесс

¹ Добрый день, герр Келлер! Да... Все хорошо! (нем.)

создания музыки, ему было плевать на имидж Белладонны — этим занимался Франк Штольц. Потому разозлить или расстроить покровителя Мира боялась скорее из уважения. Грегори Келлер казался консервативным немцем, а каков продюсер в гневе, Эльмира не знала и не хотела бы знать. Даже если Келлер не лишит Белладонну финансирования, она может потерять его доверие: для продюсера, несмотря на образ рок-звезды, певица оставалась миленькой девочкой.

— Ну... Пойдем? — услышала Мира голос Сары. — Мы собирались по магазинам, — напомнила подруга, а Грета закивала.

— Идите, — отмахнулась Мира. Она напрочь забыла о танцовщицах: будто не подруги, а видения — и Мире хотелось, чтобы те поскорее исчезли.

Сара и Грета поняли намек: не стали задерживаться. За ними закрылась дверь. В тишине собственное дыхание показалось чересчур шумным, и Мира вскочила, заметавшись по комнате.

«Что мне делать? Как заслужить прощение Келлера? Упасть на колени и умолять?» Грегори Келлер точно удивится ее поведению. Белладонна, молчаливая и некапризная, во время встреч одаривала продюсера либо мягкой улыбкой, либо сдержанным *dankeschön*¹. На сей раз придется постараться и высказать эмоции не на сцене. Устроить театральную постановку, потерпеть унижение. Но оно того стоит. Джек того стоит.

В ожидании Франка Мира не находила места. «О чем они так долго говорят?!» Она села на широкий подоконник, отодвинула занавеску и попыталась сосредоточиться

¹ Спасибо (нем.).